

Дни после отъезда родителей, как и следовало ожидать, были самыми тяжелыми. Они пообещали на воротах, что постараются писать мне при любой возможности, но я знал, что ничего не дождусь в течение нескольких месяцев. Я сказал им, чтобы они не беспокоились обо мне и сосредоточились на защите друг друга и своих товарищей по команде. Но они сказали, что беспокоиться о детях - обязанность родителей, и я не смог возразить.

Я с улыбкой сказала им, что люблю их, и смотрела, как они проходят через ворота вместе с другими взводами шиноби, которые уже попрощались с ними. Безымянный Хьюга взял меня за руку и повел обратно в комплекс, в мой пустой дом, где я забаррикадировалась в своей комнате до конца дня.

В ту ночь и несколько последующих я проплакала до утра.

Женщину, которая присматривала за мной, звали Мэй, она была одной из моих тетюшек и старшей сестрой отца. У отца родилось четыре сестры, ни с одной из которых я не поддерживала никаких отношений. После моего "усыновления" в Главную семью большинство из них отделились от моей маленькой семьи, да и не так уж они были близки. Я не знал истинной причины, так как отец и мать старались держать все это подальше от меня, но предполагал, что они считали его предателем семьи Бранч. Как будто он перешел на сторону их хозяев.

Как мелочно и ошибочно.

Я не была так уверена насчет Мэй. Хотя она не проявляла ко мне никакой недоброжелательности, я все равно относилась к ней настороженно. Насколько я помнила из сериала, семья Бранч питала глубокую ненависть к главной семье. Это было вполне оправданно, учитывая все то, через что им пришлось пройти из-за второй половины клана, но неужели они действительно выместят свое недовольство на мне?

Мэй предоставила мне все необходимое пространство, даже оставила еду возле моей комнаты, когда я не ответил на ее стук в дверь. Я слышала, как она передвигается по дому, специально шумит, чтобы дать мне понять, что она все еще здесь. Только примерно через неделю я полностью вышел из своей комнаты. Мои глаза болели и, вероятно, были очень красными от почти безостановочного цикла сна и плача, но мир все еще вращался за моей дверью, и сидение в своей комнате не могло заставить родителей вернуться раньше времени.

Я вышла в коридор и пошла на кухню, где было слышно, как женщина готовит на плите, а по коридору разносится ритмичный стук деревянной лопатки о сковороду. Стоя в дверях, я наблюдала за ее движениями с грацией опытной куноичи. Она двигалась вдоль плиты без единого звука, и в воздухе стоял тяжелый запах мисо-супа. Я не знала, что сказать, мне было так стыдно за свои действия. Формально мне было двадцать четыре года, и я должна была вести себя лучше. Но мои трехлетние чувства были слишком сильны, чтобы справиться с ними.

Я так сильно по ней скучала.

Я вцепилась в свою помятую юкату - ту самую, бледно-зеленую, что была на мне, когда родители уехали, - и тут же разразилась новым приступом слез.

"Дзюнко", - мягкий голос испугал меня. Я моргнула и посмотрела на женщину, стоящую передо мной. Она присела со всем изяществом, которое полагается женщине из Хьюги.

"Ты, должно быть, голодна, - улыбнулась она, слегка скривив серьезные губы. Прямо как отец. "Почему бы тебе не пойти и не поесть; потом мы приведем тебя в порядок, хорошо?"

Я кивнула и позволила ей подвести меня к столу, где меня ждала миска мисо-супа и гарнир из риса и овощей. Пока я ела, мы не обменялись ни единым словом, а когда я закончила, она бросила меня в ванну и оттирала до тех пор, пока моя слишком бледная кожа не приобрела горячий розовый цвет. Какая ужасная женщина.

С полным желудком и в свежей юкате я чувствовала себя лучше, чем за всю неделю. Конечно, я по-прежнему ужасно скучала по родителям, но мыслить могла гораздо яснее. Я сел на веранде, чтобы собраться с мыслями, пока Мэй занималась уборкой остатков обеда. Я мало что могла сделать с войной, особенно с моей жалкой детской фигурой. Но раз уж речь зашла о военном времени, я решил, что скоро, возможно, в ближайший год или около того, поступлю в Академию.

Я должна была войти в привычный ритм жизни. Именно так я преодолевала трудности во время учебы в колледже: придерживалась расписания, которое отвлекало меня от всех негативных эмоций, связанных с войной - возможностью того, что мои мать и отец будут убиты, будут лежать в лужах собственной крови, а вражеские ниндзя будут смеяться над их трупами, - будущим и отсутствием родителей. Я была уверена, что Хьюга не позволят мне сидеть без дела только потому, что родителей нет; скорее всего, они будут постоянно следить за мной. В конце концов, я являлась потенциальным главой клана.

У нас с Мэй установился определенный распорядок дня.

Каждое утро я встречала ее на кухне за завтраком. Я первая нарушила молчание между нами. После периода изоляции и избегания я решила произвести на нее хорошее впечатление. Я не могла помочь ей на кухне, так как была еще совсем маленьким ребенком, поэтому мы болтали о всяких пустяках, пока она готовила. Она рассказала мне немного о себе: будучи старшей из братьев и сестер, она взяла на себя ответственность за заботу о своей маленькой семье после того, как ее отец погиб во Второй войне шиноби, а мать слегла с горем пополам. Эта роль не изменилась даже тогда, когда остальные выросли настолько, что могли сами о себе позаботиться, и присоединились к шиноби. Однако сама она не была шиноби, чего я никак не ожидал.

"Почему не Мей-обасан?" спросила я, слегка наклонив голову. "Я думала, большинство Хьюга - ниндзя".

Она сделала паузу в помешивании, и бульканье супа стало единственным звуком в комнате,

пока она не заговорила.

"Я не была готова к ответственности куноичи, вот и все".

По крайней мере, мне показалось, что она заметно сжала деревянную ложку, которую держала в руках, и в ее голосе появилась легкая резкость. Я уважала ее за то, что она не чувствовала себя комфортно, говоря об этом. Мы перешли на более безопасные темы. Иногда она забывала, что разговаривает с трехлетним ребенком, делала паузу в разговоре и смотрела на меня так же, как мои мама и папа, когда я только учился говорить. Это было забавно.

После того как завтрак был убран, я часами занималась в одиночестве, пока она ходила на рынок или занималась другими делами. Когда дома не было ни тети, ни родителей, я все равно тщательно следил за тем, что делаю и говорю в доме; я жил в клане всевидящих ниндзя. Им даже не нужно было быть рядом, чтобы видеть, чем я занимаюсь, поэтому я и перешел на короткие тренировки в те часы, когда ее не было. Я должен был показать себя, в конце концов, а Мэй была против моих тренировок по тем же причинам, что и мои родители. Но я ничего не мог с собой поделать. Я должен был стать лучше.

Когда она однажды вернулась и обнаружила меня в саду почти без сознания от усталости, то немного поворчала на меня. Я не успела опомниться, как меня подхватили на руки и бросили в ванну, чтобы еще раз оттереть кожу.

Тетя Мэй даже не нуждалась в тренировках ниндзя, чтобы быть ужасающей.

В некоторые дни я сосредоточивалась на разных предметах, от математики до теории чакры, а в другие изучала географию, историю и литературу, хотя на самом деле они шли рука об руку. Каждый второй день под чутким присмотром тети Мей я укреплял свой контроль над чакрой. Казалось, мои резервы развиваются быстрее, чем ожидалось, особенно после того, как я добавил в расписание короткие физические тренировки.

Все стало гораздо более управляемым. Да, я все еще иногда плакала по ночам, но мне становилось лучше. Такая рутина продолжалась несколько недель, пока Мэй не поставила в ней точку. Я шел к своему обычному месту на веранде, когда она потянула меня обратно в дом.

"Что случилось, тётя?" спросила я, заметив обеспокоенное выражение ее лица.

"Ты очень амбициозный ребенок, Дзюнко", - сказала она, забирая у меня из рук свиток с теорией чакры и подушку. "Но ты все еще ребенок".

Я нахмурилась. "Я сделала что-то не так?"

"Вовсе нет". На ее лице появилось выражение жалости. "Уверена, Хидэёси-сама и старейшины будут очень гордиться твоими достижениями".

При упоминании нынешнего главы клана ее лицо слегка исказилось в гримасе, но затем разгладилось. "Но я еще больше уверена, что твой отец не хотел бы, чтобы ты так сильно напрягалась".

Я поморщилась. Я до сих пор не получила от них никаких известий, но я ожидала этого. В конце концов, это была война, а не праздник. Когда они были дома, они никогда не позволяли мне тренироваться и учиться целыми днями. Мы играли в игры, как физические, так и умственные, или просто отдыхали в саду. Иногда мама специально затевала во дворе игру в прятки с моим отцом. В основном это была просто игра на скрытность и уклонение, поскольку он владел бьякуганом, но это было весело. Очень весело.

Хотя я с удовольствием проводила время с тетей Мей, это было не то же самое. Казалось, я целую вечность не смеялась и не улыбалась, не была по-настоящему счастлива.

Она продолжила. "Хотя у тебя есть потенциал, чтобы стать отличной куноичи, ты все еще человек. Пожалуйста, не забывай об этом. Не отказывайся от этой части себя так легко".

Я посмотрела на нее. Бледно-белые глаза с оттенком лаванды смотрели на меня. Я не понимала, о чем идет речь, но ее забота обо мне казалась искренней.

"Хорошо, Тётя. Я не буду". Она серьезно улыбнулась.

"Тогда почему бы тебе не пойти со мной на рынок сегодня? Ты ведь не так много видела в Конохе, верно?"

Я покачала головой: первый раз я вышла за пределы комплекса, когда прощалась с родителями, и с тех пор держалась особняком.

Мэй снова жалко улыбнулась мне. "Тогда пойдем, ладно?"